

Млья Воробьев

Добро
пожаловать
в лес

Илья Воробьев

Добро пожаловать в лес

«Издательские решения»

Воробьев И.

Добро пожаловать в лес / И. Воробьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838417-2

Однажды в густом, полном загадок лесу, проснулся воин. В заржавевших доспехах и с затупившимся мечом ему предстоит спасти пропавшее из мира солнце. Достичь цели не так просто, когда дороги запутаны, путь неясен, а магический лес и все его обитатели стремятся сбить тебя с толку. Сможет ли воин выбрать правильный путь и выяснить, кто друг, а кто враг? Поймет ли он, что для победы заржавевшего меча недостаточно? А нашли ли вы в своей жизни выход из леса?

ISBN 978-5-44-838417-2

© Воробьев И.
© Издательские решения

Содержание

Пробуждение	6
Волшебница	10
Воин	18
Вместе	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Добро пожаловать в лес

Илья Воробьев

© Илья Воробьев, 2017

ISBN 978-5-4483-8417-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пробуждение

Шорох встряхнул густую, застоявшуюся тишину. В холодном воздухе запахло сыростью и прелой листвой. Между ветвей золотом блеснули глаза ворона.

Ворон оглядел небольшую поляну, переплетенную сухими косами корней. С его последнего визита поляна не изменилась: поросший мхом булыжник стоял на месте, меж стволов занавеской висела паутина, а на земле неподвижно сидел человек.

Заметить человека было нелегко: в его волосы вплетались ветки, мох укрыл доспехи, лежащий рядом меч обвили корни. Раньше человека звали Воином, но сейчас любой назвал бы Чучелом.

Ворон собрался улетать, но неожиданный хриплый стон остановил его.

– Кыш! – выдавил Воин.

Звук выходил из горла с трудом, будто пробивался сквозь одичалые заросли.

– Ишь, чего захотел, – ответил ворон. – Хозяин леса нашелся!

Воин нахмурился и недоверчиво посмотрел на птицу.

– Ты разговариваешь?

– Ты разговариваешь? – передразнил ворон.

Воин пошевелил сухими губами. Разминка далась тяжело.

– Я думал ты часть дерева, или что-то такое, – продолжил ворон. – Даже испугался когда ты закричал.

Тело Воина оставалось неподвижным, но глаза, окаймленные складчатыми мешками, беспокойно бегали. Ворон подлетел ближе.

– Напомни, зачем ты тут сидишь?

Человек остановил взгляд на паутине, растянутой между лысыми деревьями. Паутина держалась на честном слове и зевала широкими дырами.

– Не твое дело.

– Похоже, ты сам не знаешь.

– Проваливай! – голос Воина вспыхнул неожиданной громкостью.

Человек и птица удивленно посмотрели друг на друга.

– Ого! Прогресс на лицо.

Ворон тревожно огляделся и прислушался. Тишина натянулась тетивой в тяжелом лесном сумраке. Угрюмая гримаса Воина светилась мертвенной бледностью. Человек провел языком по губам и поморщился от сухой горечи. Кожа приятно разорвала пленку оцепенения, и холод обнял лицо.

Угльное перо, мерно покачиваясь, опустилось Воину на нос. Воин громко чихнул, и его закаменевшее тело содрогнулось, обнажив ноющую боль в мышцах.

– Ты что, специально это делаешь? – в голосе человека проступил прежний глубокий бас.

– Что бы ты ни имел в виду, я все делаю специально.

Воин почувствовал как тысячи иголок пронзили окаменевшие мышцы. Он поднялся, опираясь о дерево, и сделал несколько осторожных шагов. Ворон нетерпеливо переступал с лапы на лапу.

– Смотри не упади, – закаркал он. – Держись аккуратно, вот так. А вот и меч! Удержишь? Не порежся, а то разучился наверно... Хотя и меч поди затупился, весь в хозяина...

Меч действительно затупился и помутнел. Рельефный орнамент вдоль эфеса скрылся за коркой грязи, тонкая паутина связала лезвие с гардой. «Стремящийся» – вспомнил Воин имя меча.

– ... конечно не самый лучший из мечей, – продолжал ворон. – Да и хозяин не ахти но... АА!

Воин вложил всю силу в удар. В прежние времена он бы успел разрубить птицу пополам, но сейчас не попал и по ветке. Ворон заметался между деревьями, разбрасывая перья. Меч грузно рассекал воздух, подчиняясь неуклюжим и заторможенным взмахам. Направления ударов угадывались легко, и ворон играючи кружился, раззадоривая человека все сильнее.

Воин оступился и потерял равновесие. Он замер, пытаясь сосредоточиться и отдышаться, но гнев взорвался кипящими брызгами, и Воин вновь бросился в атаку. Мертвенная белоснежность его лица сменилась кровавыми оттенками ярости, морщины собрались в кучу, придавая гримасе здоровой злости. Воин прыгал за птицей, беспорядочно размахивая мечом.

– Ты зашел слишком далеко! – рычал он. – Слишком далеко!

– Давай скажем, что я «залетел» слишком далеко, – спокойно отвечал ворон. – «Зашел» звучит унижительно для птицы.

Ворон приземлился на высокую ветвь, вне досягаемости меча.

– Ишь, взбунтовался! – крикнул он.

– Чего ты ко мне привязался? Проваливай!

– Это ты ко мне привязался! Я живу здесь. Сам проваливай!

Взгляд Воина обжег золотые глаза птицы, но ворон продолжил испытывающе смотреть на собеседника. Первым не выдержал человек.

– Тьфу ты! Столько времени потратил на спор с глупой птицей.

Воин спрятал меч и обнаружил, что стоит в совершенно незнакомом месте. Лысые деревья торчали из земли будто прутья клетки, а поляны точно и не было никогда. В погоне за воронем он не заметил как заблудился.

Воин развернулся и заковылял обратно. Мысли еще не вышли из спячки, и лишь слово «Колдун» летучей мышью порхало в пустой голове. «Колдуны всегда не к добру» – прошептал Воин. Он молча брел вдоль деревьев, а ворон неотрывно летел следом.

– Где? – не выдержал Воин.

– Что?

– Поляна! Куда делась поляна?

– Не я же ее спрятал, в самом деле.

Воин вдруг почувствовал себя глупым и одураченным. Лицо его исказилось в страшной гримасе, а рука потянулась к эфесу.

– Куда ты меня завел?! Ты сообщник, верно? – Воин ухватился за слово, что так ярко вспыхивало в сознании – Сообщник, колдуна!

Он подобрал камень и бросил в птицу. Ворон ловко увернулся и задорно каркнул.

– Ты издеваешься! – грозил кулаком Воин. – погоди, я из тебя чучело сделаю!

– Нет, увольте, – захихикал ворон. – Из себя ты сделал довольно неаккуратное. Я найду токсидермиста получше.

Воин вновь попытался сбить шутника камнем, но и в этот раз промахнулся.

– Ты так трясешься от гнева, – не успокаивался ворон. – Что с тебя уже половина листвы опала. Я подожду пока опадут грибы, а потом улечу.

– Кто послал тебя?

– Я ворон и летаю сам по себе.

– Кто украл Солнце?!

– Ты.

Воин зарычал и толкнул дерево, в надежде скинуть птицу.

– Я что, похож на яблоко? – возмутился ворон. – Взгляни, лучше, туда.

Ворон повернул голову и испытывающе посмотрел на Воина. Воин нехотя развернулся в сторону клюва.

– Солнце! – крикнул он.

Вдали мерцал желто-оранжевый огонек. Воин попытался вспомнить когда видел Солнце последний раз, но воспоминания потускнели и рисовали только луну, будто Солнца никогда и не было. Воин потряс головой, отгоняя странные мысли, и снова взглянул вперед. Огонек храбро пробивался сквозь темноту. «Значит, какой-то колдун стащил его для своих колдовских делишек», – обрадовался Воин. – «Ох зря, колдун, ох зря!»

– Что ж ты молчал-то? – Воин заметно оживился.

Ответить было некому. Ветка, где минуту назад сидел ворон, одиноко изогнулась под тяжестью пустоты. «Даже перьев не оставил!» – подумал Воин. «Наверно я из него все вытряс, пока гонял».

Доспехи проржавели за время затянувшегося отдыха, кости, казалось, проржавели тоже. Воин мчался с грохотом разгоняющегося поезда – скрипя, звеня и тяжело вздыхая. Отросшие волосы лезли в глаза, пот ручьями спускался с висков и носа. Воин почувствовал ноющую боль в ногах, жар на лице, напряжение в животе и груди. Легкая улыбка тронула его бледные губы. Старый огонь внутри разгорался, вместе с приближающимся лесным маяком. Воин вытащил меч и ощутил как лезвие рассекает воздух. «Стремящийся!» – полный жизни бас сорвал натянутую тетиву тишины.

Рядом с огоньком зажглись другие, а особо густая тень стала напоминать силуэт башни. Высокая и темная, с остроконечной крышей, башня светилась изнутри, возвышаясь над хмурым лесом. «Как я раньше ее не увидел?» – удивился Воин, – «Колдун постарался, не иначе!».

Ветви деревьев расступались перед несущимся рыцарем, колючие кустарники царапали броню, а небольшие лужи разлетались, будто летучие мыши при виде света.

Башня стояла в центре широкой поляны – круглая и узкая, из аккуратно уложенного камня. В ней было этажей десять, и от крыши до земли она сужалась так, что все комнаты, кроме самой верхней, становились крохотными. В таких башнях жили волшебники, потому что до вершины трудно добраться, на крыше можно следить за звездами, а в маленьких комнатках хранить пыльные книги, чугунные котлы и лапы лягушек. Густой плющ захватил стены, и его длинные, темно-зеленые щупальца залезали в узкие щели бойниц. На границе с лесом стояло нелепое пугало в странной светящейся накидке.

Воин дернул огромное металлическое кольцо, в виде цветка, кусающего себя за стебель. «Бум, бум, бум», – глухо выдала тяжелая дубовая дверь.

– Открывай, кто бы ты ни был! – крикнул Воин и еще раз постучал. – Я пришел вернуть украденное!

Воин пнул дверь, затем снова постучался, снова пнул. Он врехался в дверь с разбегу, но та даже не застонала под натиском заточенного в доспехи рыцаря. Воин обошел башню и увидел окно, прямо над бойницами. Если пролезть по плющу и зацепиться за бойницу, можно выбить стекло и проникнуть в башню.

Стоило Воину коснуться плюща, как тот мигом обхватил его ноги, связал руки и потащил вверх. Воин зарычал, закрутился, попытался разорвать крепкие стебли, но лишь сильнее запутался. «Попался как муха в паутину», – пробормотал он.

Послышался звон стекла и новый стебель, толще и крепче предыдущих, высунулся из башни. Стебель сдавил рыцаря будто удав, и лениво втащил внутрь. «С другой стороны», – подумал Воин, – «все идет по плану».

Стебель тянул Воина по узкому длинному коридору, сминая ковровую дорожку, сбивая высокие блестящие канделябры. Огонь свечей, обрадовавшись свободе, бодро перескочил на ковер и заплясал. Обнаружив мешающий стебель, пламя жадно укусило растение. Стебель дернулся, отпустил Воина, и спешно уполз за едва приоткрытую дверь. Из-за двери послышались стоны и мычание.

Воин сощурился. Коридор заиграл светом и тенями, огонь взялся за висящие на стенах гобелены с изображениями странных хищных растений. Едкий черный дым заворачивался

кудрями и плясал под потолком. Воин оказался отрезан от выхода и единственный путь вел туда, куда уполз змеиный стебель. Воин вытащил меч и, с победным криком, бросился внутрь.

Волшебница

Волшебница босиком бежала по лесу, мурлыча незатейливую мелодию. Угрюмые деревья склоняли когтистые лапы, и девушка нежно касалась их, будто ладоней кавалеров. Длинный подол мантии синим веером закручивался за неожиданными вальсовыми поворотами, а улыбка будто светилась в темноте. Волшебница искала нечто прекрасное.

– Я еще не видел здесь такого счастливого существа, – каркнул ворон.

– Ты давно следишь за мной, друг ворон, – хихикнула Волшебница.

Ворон поежился – он считал себя незаметным в темной паутине ветвей. Ему стало неуютно и от жизнерадостности девушки. Казалось, до пропажи Солнца ей совсем не было дела. Лес, прежде живой и поющий, для нее будто не изменился.

– С тех пор как пропало Солнце, здесь многое изменилось, – осторожно заметил ворон.

– Просто все куда-то попрятались! – весело пропела Волшебница.

– Потому что здесь холодно и страшно!

– Ничуть!

– Карр!

Ворон с шумом улетел, разбрасывая перья, а Волшебница улыбнулась ему вслед.

С тех пор, как пропало Солнце, вороны наполнили лес. Они черными тучами летали вокруг башни и отвратительно кричали. Волшебница думала, что их привлекает свет, и птицы хотят тепла. Она даже впустила нескольких, но хулиганы разбросали зерно, повыдергивали нитки из гобеленов и вырвали ей клочок волос. Такой невоспитанности даже Волшебница не смогла терпеть и поставила перед лесом пугало.

Вороны перестали кружить над крышей и загораживать звезды, никто не отвлекал девушку от вышивания, не обрывал песни грубым ругательством. Одиночество вскоре взяло свое, и юная леди отправилась на поиски хоть какого-нибудь живого существа.

Раньше лес кипел щебетанием птиц, скрежетом лап кроликов, ревом волков, пытением ежей, сладкими речами лисиц. С тех пор, как пропало Солнце, вокруг остались только вороны, пауки и множество глаз, выглядывающих из темноты между деревьями. Волшебница звала странных, бесконечно наблюдающих существ, но они прятались, стоило ей повернуться.

– Ну и ладно! – вздернула острый нос Волшебница. – Ну и пожалуйста!

Лес темнел и смыкался, тянул когтистые лапы, накрывал темным покрывалом. Волшебница прошептала что-то, и на конце ее волшебной палочки зажегся желтый огонек. Тьма запрыгнула за деревья, а тени ветвей заплясали у девушки под ногами. Волшебнице стало страшно.

– Ой! – вскрикнула она, когда тень схватила ее за лодыжку.

Волшебница направила свет на черную руку, отчего та бесследно растворилась. Другие тени, не мешкая, вцепились сзади. Волшебница прошептала новое заклинание и поднялась в воздух, где страшные руки не могли ее достать. Бросив испуганный взгляд на землю, она вдруг заметила маленький и беззащитный росток. Росток торчал оловянным солдатиком, а тени змеями ползли к нему.

– Поднимись! – крикнула Волшебница указывая палочкой на стебель.

Стебелек взлетел вместе с бугристым клочком земли. Тени зашипели и беспомощно потянулись к Волшебнице.

Росток светился в темноте замерзшего леса – единственный живой, среди засохших и облысевших деревьев. Держа росток на кончике палочки, Волшебница понеслась к башне. Деревья цеплялись за ее мантию, отрывали клочки и злобно шипели вслед.

– Держись, мой милый – шептала девушка. – Скоро я принесу тебя домой.

Вороны наблюдали с веток, переругивались и хихикали. Один попытался схватить росток, но Волшебница грациозно увернулась. В башню она влетела на полном ходу.

Девушка аккуратно посадила нового друга в любимый глиняный горшочек с витиеватым узором. Она назвала росток Тимором, потому что это имя прозвучало в ее голове в момент их встречи.

С тех пор, Волшебница и Тимор жили вместе. Девушка поставила цветок у окна в комнате под крышей. Она внимательно ухаживала за другом, поливала его и любовалась. Бывало, Волшебница часами сидела рядом и рассказывала про звезды или пела песни.

Тимор рос и становился крепче. Стебель оплетали небольшие ростки, крохотные листочки показывались по бокам, а острая верхушка распускалась и расслаивалась. Волшебница не могла дождаться когда ее любимец, наконец, зацветет. Каждый день она с любопытством рассматривала его – не появился ли где бутон? Она гадала, делала зарисовки, оценивала в какой части комнаты Тимор будет лучше всего смотреться.

Однажды утром, Волшебница взлетела с кровати, весело напевая очередную песню. Она начала день с улыбки самой себе в зеркале, нескольких балетных па и громкого визга.

Из горшка, где сидел ее любимый Тимор, торчала хищная пасть мухоловки. Два листочка, с ресничками по краям, выглядели как челюсти с клыками, стебли напоминали щупальца, а корни пробили красивый глиняный горшок. Милый Тимор, принц цветов, которого Волшебница так ждала, оказался чудовищем.

– погоди, – прошептала Волшебница. – Кажется, этот горшок тебе мал.

Она бросилась к туалетному столику, где лежала волшебная палочка, прокашлялась и произнесла заклинание. Рядом с хищным Тимором появился горшок в два раза больше.

– Подожди, я тебя пересажу, – засуетилась Волшебница.

Но Тимор не собирался никого ждать. Он повернулся к новому горшку, ухватился за край свободными стеблями и вырвал себя, разбрасывая клочки земли по полу. Старый горшок зашатался, завис на краю и упал, разлетевшись на маленькие осколки. Тимор по-хозяйски окопался в новом доме.

– Х-хорошо, – тихо пробормотала Волшебница.

Новый облик цветка напугал ее. Волшебница молча смотрела на щелкающую пасть любимца, затем спохватилась и взмахнула волшебной палочкой. Осколки маленького горшка собрались и встали на подоконник.

Горшок покрыли молнии трещин. Трещины обрывали гладкий узор угловатыми сколами, торчали бледными шрамами. Волшебница горько посмотрела на Тимора.

– Ты не виноват, что так быстро вырос, – тихо произнесла она, скорее себе, чем цветку.

Тимор, тем временем, повернул хищную голову в сторону вновь собравшегося горшка. Стебли его напряженно скрутились, пасть яростно кусала воздух.

– Похоже тебе он не очень нравился, правда? – Волшебница натянуто улыбнулась и взмахнула волшебной палочкой, убирая горшок на дальнюю полку.

Тимор повернулся к Волшебнице. Легкая дрожь пробежала по ее спине, и Волшебница, невольно, вспомнила зловещие тени в лесу. «Так нельзя», – подумала девушка. «Я же сама вырастила его.» Она погладила верхний лепесток указательным пальцем. Тимор не стал терпеть нежности и обвил палец хозяйки челюстями. Волшебница захихикала – реснички, которые так напоминали клыки, оказались мягкими и щекотались.

– Да ты у нас грозный хищник! – проворчала она, деланно хмуря брови.

Волшебница засмеялась над своей трусостью. Она склонилась над Тимором, с интересом изучая его. Цветок едва торчал из земли, но вид имел важный и устрашающий, чем невольно вызывал улыбку. Волшебница даже обрадовалась, что Тимор оказался таким необычным.

Повеселев, девушка взялась за повседневные дела. В первую очередь, она прошла по башне, вытерла пыль со стен, пола и всех-всех полок. В галерее с гобеленами она закрыла глаза, глубоко вдохнула и выкрикнула непонятное заклинание.

Гобелены зашевелились. Нитки змеями переползали и переплетались, превращая изображенных рыцарей в увитое лианами дерево. Гобелены с цветами: тюльпанами, розами, пионами, меняли изображения на ядовитые плющи, мухоловки и другие страшные растения.

– Так-то лучше, – Волшебница энергично кивнула.

Она вернулась в комнату под крышей и приступила к шитью. Волшебница шила пугалу костюм, с ревущими клыкастыми пастями и множеством сияющих звезд. Она работала над костюмом уже несколько месяцев. В каждый стежок Волшебница вплетала самые сокровенные заклинания, шепотом напевала нежные колыбельные, аккуратно разглаживала складки. В этот день она закончила накидку и надела ее на пугало. Пасти грозно зарычали на тьму, а звезды осветили ровную траву поляны. На тыквенном лице беззвучно проступила улыбка.

* * *

Тимор выглядел больным и вялым. Волшебница поливала его, пела песни, колдовала, но листья-челюсти все-равно безжизненно опустились, а цвет, из ядовито-зеленого, стал темным и блеклым. Волшебница догадывалась, что такому цветку как Тимор воды и песен недостаточно. Тимор хищник и ему нужна настоящая, живая еда.

Волшебница боялась отправляться на охоту. «Ты уже ходила туда тысячу раз, давай», – уговаривала она себя, но внутренний голос исчезал, стоило ей выглянуть в бойницу. Воспоминания о зловещей тьме и страшных тенях высасывали всю храбрость, но яркое материнское сострадание толкало Волшебницу в лес. В конце-концов, после долгих споров с собой, Волшебница заткнула волшебную палочку за пояс, накинула капюшон и, ссутулившись, вышла из башни.

Пугало, в новой рубахе, преданно стояло на посту.

– Как жаль, что ты не можешь пойти со мной, – прошептала девушка

Тишина за руку с мраком, плотно окружили Волшебницу. Ветви угрожающе нависали над головой, и только воронов по-близости не было видно.

Волшебница развешивала магические огоньки на деревьях, чтобы не заблудиться. Дрожащий свет палочки слабо освещал дорогу, привлекая черные лапы теней. Тени плясали и копошились, но Волшебница старалась не обращать на них внимания. Девушка вслушивалась и вглядывалась, но ничего, кроме деревьев и теней рядом не было. Становилось холоднее, и дорожка из огоньков уже скрывалась за пределами взгляда. Волшебница подумывала поворачивать назад, но вдруг услышала слабое жужжание. Девушка замерла, на мгновение, пытаясь определить откуда доносится звук, и вслепую отправилась на поиски добычи. Вскоре, она вышла на круглую поляну, и неожиданно оказалась в центре облака мух.

– Ой! – взвизгнула Волшебница от неожиданности.

– Ааа, посмотрите-ка, – проскрипел где-то старушечий голос.

Волшебница оглянулась и увидела большую жирную муху, примерно с себя ростом. Голова мухи была завернута в белую косынку, а в одной из лап муха держала витиеватую трость из сухой, отвалившейся ветки. Миллионы ячеек глаз отражали маленькую, оторопевшую Волшебницу. Крылья блестели зеленоватыми углами, хоботок ходил туда-сюда, а тонкие, черные лапки дрожали, поддерживая неподъемный груз толстого тела. Муха произнесла фразу без злобы, но от ее скрипучего голоса Волшебнице стало не по себе. Другие мухи затихли и сели на холодную, потрескавшуюся землю, будто по команде.

– Так значит, ты пришла ловить моих деток, – лениво, словно пережевывая, прохрипела муха.

– Нет-нет, – тихо затараторила Волшебница, – я просто мимо проходила. Я гуляла по лесу и тут...

– Но ты держишь в руках сачок, верно? – перебила муха.

Волшебница даже не заметила, как наколдовала сачок, пока брела к поляне. Она с удивлением посмотрела на разветвленную палку с аккуратно привязанным конусом паутины.

– Это... Это не то о чем вы подумали...

– Конечно не то, – прожевала муха и расхохоталась.

Остальные поддержали, но разом затихли, стоило ей заговорить снова.

– Так если уж ты бездельно прогуливалась, милочка, не соизволишь ли отобедать с моим семейством?

– На самом деле, я уже собиралась идти, меня ждут...

– Ай-яй-яй! – деланно вздохнула муха. – Какая жалость! А ведь у нас так давно не было гостей!

Мухи одобрительно зажужжали и сомкнули кольцо вокруг Волшебницы. Волшебница так крепко сжала волшебную палочку, что костяшки пальцев мигом стали белее снега. Сердце билось в истерике, отстукивая сумасшедший ритм.

– Мне правда очень-очень приятно, дорогая хозяйка муха, – Волшебница уронила сачок и сделала реверанс. – Спасибо вам за приглашение. Но мне, правда, нужно идти.

Волшебница попятилась. Старуха стукнула тростью о землю.

– Никуда ты не пойдешь, девица! – крикнула она, и ее дети мигом подняли жуткий шум. – Коли хотела тронуть моих деток, так останешься с нами на ужин. Вкусенькая, наверно, молоденькая! Кхе-кхе-кхе...

Муха надвигалась, будто черная грозовая туча. Трость ее натужно скривилась, и Волшебница удивилась, как сухая ветка не ломается под таким огромным весом.

– Подними меня! – крикнула Волшебница своей палочке.

Указав в сторону башни, девушка стремглав помчалась прочь от бурлящей поляны. Мухи жужжащим облаком бросились за ней. Старуха ругалась, но крылья беспомощно трепыхались за спиной, и одышка, вскоре, взяла свое.

Волшебница летела по тусклым огонькам, которые сама развешала раньше. Огни выдавали ее, и мухи вскоре окружили девушку. Отогнав рой жужжащих насекомых снопом искр, Волшебница полетела совершенно в другом направлении, в надежде запутать преследователей.

Жуткий шум стоял вокруг. Гудение и жужжание сдавливало уши так, что, казалось, голова вот-вот лопнет. Там и тут мелькали злые красные глаза, некоторые мухи вылетали прямо на Волшебницу. Девушка взвизгивала и выпускала очередной сноп искр. Мухи падали на спину и беспомощно трясли тонкими лапами.

Насекомые сновали повсюду. Они снова окружали Волшебницу, и загоняли ее, будто охотники. Рядом мелькнула паутина.

«Нет, только не пауки», – испугалась было Волшебница, но тут же обрадовалась находке. Волшебница начала петлять между деревьями, разыскивая новые сети. Паутина свисала с веток, лежала на земле, кроны были опутаны серебристыми узорами. «Самой бы не попасться», – подумала Волшебница. Она добралась до самого паучьего гнезда, когда обнаружила, что больше не слышит назойливого гудения. Вместо этого, то тут то там, раздавались прерывистые «Вжжж», попавшихся в сети преследователей. Сердце дятлом стучалось где-то в области затылка, руки Волшебницы тряслись, губы дрожали, а на глазах выступили слезы. «Тихо», – мягко сказала она себе и глубоко вдохнула, чтобы успокоиться.

Мухи умоляюще смотрели на Волшебницу, будто забыли, что собирались отобедать ей несколько минут назад. Волшебница заворачивала паутину в свертки, чтобы не дать насекомым шанса выбраться. Она старалась успеть до прихода пауков, которые уже ползли сюда, оповещенные дрожью сетей. Волшебнице казалось, что шорох паутины слышен на весь лес и,

вот-вот, не только пауки, но и все самое страшное сбежит к ней. Оставив половину улова, Волшебница полетела по золотистым огонькам так быстро, как могла. Она ворвалась в башню точно яростный порыв ветра, захлопнула дверь и заперлась на все замки. Тяжело дыша, Волшебница отпустила драгоценные свертки, вытерла пот со лба и подперла дверь спиной. Она стояла так, боясь выглянуть в бойницу и обнаружить себя окруженной теньями, мухами, пауками и воронами, пока мысль о голодном Тиморе не привела ее в чувство.

– Кажется, ты подрос еще больше! – ахнула Волшебница, когда поднялась в комнату под крышей.

Тимор, несмотря на вялость и тусклость, действительно, казался больше. Толстые, переплетенные лианы с небольшими розовыми цветками распластались по полу, некоторые Тимор свесил в окно. Челюсти выросли величиной с локоть, а розовые ресницы-клыки толщиной в полтора указательных пальца. Услышав голос хозяйки, цветок лениво поднял голову. Волшебница маняще потрясла одним из свертков, и стебли-щупальца живо зашевелились в ожидании. Довольная Волшебница подбежала к питомцу и отлепила одну из мух. Челюсти цветка раскрылись. Внутренняя сторона листьев горела красным, точно настоящий рот. Волшебница принялась, пытаясь найти хоть что-то в Тиморе от обычного цветка, но даже в этом он был другим. Тимор не издавал зловоние, как могло бы показаться, – он не пах ничем.

Цветок громко стукнул лианой о пол, показывая, что до сих пор ждет. Волшебница вздрогнула и опустила муху в голодную пасть. Мощные челюсти захлопнулись, а ресничка, которая еще вчера была мягкой и щекотной, проткнула Волшебнице руку, будто самый настоящий клык.

Волшебница взвизгнула. Она попыталась вытащить руку, но тщетно – цветок не собирался помогать. Казалось, ему нравится впиваться в ее нежную кожу. Он сжимал челюсти сильнее, и возил лианами по полу, оплетая мебель.

– Тимор, пожалуйста, – заплакала Волшебница. – Мне больно!

Цветок недовольно хлестнул лианой стул и отломил ножку, но челюсти разжал. Полумертвая муха попыталась улизнуть, однако, стоило Волшебнице освободиться, челюсти снова захлопнулись, не оставляя мухе надежды.

Волшебница села на пол и заслонила лицо руками. Она не хотела, чтобы цветок видел ее слезы. Девушку выдавали только трясущиеся острые плечи и редкие всхлипы. Рядом ползали лианы, извиваясь от удовольствия, насыщаясь свежей, сочной жертвой. На секунду Волшебнице показалось, что Тимор мог обнять ее и утешить, но цветок был слишком занят. Он чувствовал как жизнь мухи переходит к нему, как сам становится больше, крепче и сильнее. Еще чуть-чуть и он оплетет всю башню, а потом сломает ее как иссохшую ветку. Да, еще чуть-чуть и Тимор станет королем леса.

Волшебница увидела как цветок из темно-болотного превращается в ядовито-зеленый. Рука ее резалась острой болью, но девушка улыбнулась, радуясь, что Тимор, наконец, ожил. Волшебница вытерла лицо рукавом, и поднялась. Страх совсем ушел, когда она вспомнила каким маленьким и беззащитным нашла Тимора. Она посмотрела на него с гордостью, вздернула нос к потолку и подошла к зеркалу, чтобы привести себя в порядок.

Из зеркала выглядывала совсем другая Волшебница. Это была не свежая и счастливая молодая девочка, что ярко улыбалась сквозь овал серебра. В отражении поселилось бледное, напуганное лицо, с мешками под глазами и посиневшими губами. Темные лианы извивались за ее спиной, напоминая лесные тени.

– Каким бы он ни был – это я его вырастила. – сказала Волшебница отражению. – Если он злой, то виновата в этом только я!

Отражение испытывающе смотрело на Волшебницу, а одна из лиан спряталась, открыв вид на устрашающий лес.

– Это неправильные мысли! – закричала Волшебница. – Он единственное, что у меня есть. Он не может быть злым!

Волшебница показала язык и отвернулась. Этой ночью она долго не могла заснуть.

* * *

Утром Волшебницу разбудила неприятная тяжесть в ногах. Что-то давило и шевелилось и противно приближалось к лицу. Волшебница завизжала, опасаясь змей, и мигом вскочила с кровати. На кровати лениво извивалась лиана Тимора, толщиной с бедро. Волшебница повернулась к окну и увидела разбитый на мелкие осколки горшок. Стены, потолок и пол были увиты стеблями и лианами, ее любимое зеркальце на туалетном столике разбито, а вся мебель переломана. Сам Тимор доставал головой потолка и разместился посередине комнаты. Его челюсти выросли величиной с кровать, клыки торчали кинжалами, а из края пасти свисал кусочек паутины.

Волшебница оторопела. Чудовище, которое совсем недавно было ее маленьким беззащитным расточком, обратило на нее внимание.

– Ты... Ты что, съел всех мух? – дрожащим голосом спросила Волшебница.

Чудовище осторожно поползло к девушке, отталкиваясь стеблями от пола.

– Мамочки! – прошептала Волшебница и бросилась к двери.

Оплетенная тонким плющом дверь скрипела и не поддавалась. Волшебница навалилась на нее всем весом, и тонкая поросль защекотала руки и ноги. Дверь, нехотя, раскрыла узкую щель, и Волшебница шмыгнула в коридор за секунду до того, как огромный Тимор приблизился. Волшебница, в одной ночнушке, ринулась вниз. Лишь у самого выхода она вспомнила, что палочка все еще в комнате

«Он дал мне уйти», – подумала Волшебница, – «значит он не хочет меня съесть или обидеть. Наверно, он даст мне забрать палочку.» Но даже вся вера Волшебницы в доброту питомца не помогла ей решиться войти в комнату. Вместо этого, Волшебница открыла одну из узких кладовок этажом ниже, и устроилась там: неумытая, голая и безоружная. Сверху раздавались жуткие стуки и скрежет: Тимор хозяйничал и ломал остатки ее любимых вещей.

Волшебница полдня не выходила из кладовки – прислушивалась к шорохам. Девушка начала переживать за состояние волшебной палочки. Вдруг цветок сломал ее, как и всю мебель? Что тогда делать? Новую палочку не достать: эта сделана из цветущего дуба, который теперь куда-то подевался. Возможно он усох и превратился в одно из окружающих чудовищ, а, может быть, просто ушел туда, где есть Солнце. Но факт оставался фактом: дуба больше нет. Отправляться на его поиски без палочки опасно (Волшебница до сих пор не отошла от недавней встречи с мухами), но и оставаться рядом с чудовищным Тимором не лучшая затея. На глаза навернулись слезы, губы задрожали, и Волшебница почувствовала себя совсем маленькой и беззащитной, такой же, каким увидела Тимора впервые.

Вдруг что-то изменилось. Это случилось так внезапно, что Волшебница сразу не поняла, что именно произошло. Тишина оглушила ее: ни шорохов, ни стуков, ни возни. Волшебница прислушалась, гадая, заснул Тимор, или покинул башню. Цветок не издавал ни звука.

Волшебница опасливо толкнула дверь, и свет ворвался в темную комнату. Пол и стены коридора были увиты лианами и стеблями. Гобелены, с изображениями хищных растений, висели нетронутые. Холодная дрожь пробежала по телу Волшебницы: понимает ли Тимор, что это его портреты? Волшебнице не хотелось в это верить.

Девушка осторожно вышла в коридор. Дверь предательски скрипнула, и Волшебница застыла, почувствовав тяжесть на ушах. Стебли и лианы лежали в полном спокойствии.

Волшебнице приходилось наступать на отростки чудовища, потому что весь пол Тимор устлал ими, будто ковром. Аккуратно ступая, девушка продвигалась вперед, боясь случайно пощекотать Тимора. Испытывают ли цветы щекотку? Волшебница искренне надеялась, что нет.

Тимор в полном спокойствии спал, склонив огромные челюсти к полу. Сердце Волшебницы колотилось так, что она боялась разбудить чудовище громким стуком. Лицо горело от страха, ладони окоченели. Девушка не сводила глаз с цветка и никак не могла решиться на шаг. Казалось, Тимор вот-вот проснется и бросится так резко, что она не успеет даже вскрикнуть. Волшебницу, будто, парализовало. Она бросила молниеносный взгляд, туда где должна была лежать палочка. Разум не поспел за взглядом, и Волшебница не успела ничего заметить. Выпустить из виду цветок у нее не хватало смелости.

Постояв так какое-то время, Волшебница сделала шаг назад, затем еще один и еще. Она боязливо пятилась в коморку, стараясь не надавить случайно на стебель. В комнате она безвольно упала на серый тугий мешок. Думать Волшебница не могла: перед глазами до сих пор стояло страшное, огромное чудовище. Она лежала так, напуганная и опустошенная, пока дрожь не разжала объятия. Мысли высунулись из глубоких нор, и Волшебница взяла себя в руки.

– Он просто спит. Я пройду и возьму палочку! – сказала она себе.

Однако на пороге в спальню ее снова сковал страх. Волшебница шепотом заговорила с собой, нежно спела куплет любимой песни и решила войти на счет три. Раз... два... три!

Не сводя глаз с цветка, она сделала маленький шаг, аккуратно наступив на вытянутый носок. Тимор не шевелился. Когда Волшебница перенесла вторую ногу, позади будто появилась невидимая стена, и девушка больше не могла отступить. Сердце заколотилось в области висков, а смелый голос, что уговаривал на первый шаг, куда-то исчез. Глаза не отрывались от цветка. В какой-то момент страх отступил. Отступили и другие чувства: Волшебница больше не видела Тимора – он стал размытым и далеким, в голове стоял негромкий шум, а мысли перестали существовать. Так, отключившись от происходящего, Волшебница добралась до противоположной стены, к обломкам любимого туалетного столика. Среди щепок и гвоздей лежала целая, невредимая волшебная палочка, крепко сжатая цепкими побегами.

«Что же делать?», – подумала Волшебница, взглянув на спящее растение. Острое желание убежать и закрыться в коморке овладело ей, но страх остаться беззащитной оказался сильнее. Девушка присела и осторожно потянула палочку.

Вдруг произошло страшное: Тимор пошевелился. Он не проснулся, не разозлился. Может, это был внезапный порыв ветра, а сам Тимор и не двигался вовсе. Но было поздно. Волшебница словно готовилась к этому моменту всю жизнь, будто тенировалась различать малейшие движения спящих растений. Она закричала так громко, что вороны, на много километров вокруг, взлетели с деревьев, эхом подхватывая крик. Даже если Тимор и не шевелился раньше, теперь он проснулся.

Волшебница изо всех сил дернула палочку и оторвала кусок стебля. Палочка выпустила сноп разноцветных искр и затрещала. Тимор бросился к девушке, оплетая стеблями ее ноги. Волшебница, продолжая кричать, попыталась сдвинуться, но упала – стебли держали крепко. Тень Тимора угрожающе накрыла ее, пасть разверзлась и приготовилась поглотить маленькую девушку.

Белая молния с грохотом соединила волшебную палочку с Тимором. Цветок содрогнулся, помотал головой, но хватку не ослабил. Волшебница поползла к выходу, но Тимор потащил ее к себе. Через секунду, его пасть сомкнулась, и Волшебница целиком оказалась внутри питомца.

Листья сдавливали тисками, Волшебница покрылась чем-то липким и похожим на слюну. Она не могла ни пошевелиться, ни прошептать заклинание. Воздуха не хватало, на лице появилась испарина, а открытые участки кожи жгло так, будто кто-то облил кипятком.

Внезапно, хватка Тимора смягчилась, и Волшебнице удалось поднять руку. Девушка приготовилась произнести заклинание, но липкая субстанция попала в рот, склеила зубы и залепила нос. Палочка заискрилась, и Тимор инстинктивно опустил нижнюю челюсть. Волшеб-

ница потянулась наружу, но цветок захлопнул пасть, едва не проткнув руку клыком. Палочка выпала, отстучав короткую дробь о пол.

«Кажется, это конец», – подумала Волшебница.

Воин

Воин, с поднятым мечом и боевым кличем, влетел в комнату. Сначала он подумал что очутился в небольшом саду: стены зелени переплетались над головой, свисали длинными нитями и пестрили розовыми соцветиями. Посередине стояло страшное чудовище: огромный хищный цветок (один из тех, что был изображен на гобеленах) пожирающий кого-то, кто явно не хотел быть съеденным. Судя по искрам, вылетающим из пасти чудовища, внутри барахтался колдун. Воин ухмыльнулся: победить чудовище и колдуна за раз – вот это удача!

Рыцарь бросился на растение, но упал, запнувшись об умело подставленный стебель. На этот раз цветок решил полностью обвить человека и оставить вялиться до ужина.

Воин, однако, был не так прост. Он рубил змеящиеся стебли направо и налево, лежа на полу, связанный по ногам. Щупальца оплетали его со спины, но Воин ловко отсек пути и успел скинуть душителные объятия. Цветок неуверенно шатался и безразборно размахивал лианами.

«Его намного больше чем меня», – думал Воин, отбиваясь от все новых и новых щупалец.

Он не мог занять выгодную позицию, потому что ростки цеплялись за ноги. Он скакал, выписывая безумные кренделя, будто в веселом танце. Воин делал два шага вперед, а потом прыгал в случайном направлении, подбираясь к голове. Иногда цветок не давал сделать два шага, и Воину приходилось отступать.

Лицо человека покраснело, из ушей, казалось, скоро пойдет пар. Уголки тонких губ приподнимались каждый раз, когда ему удавалось приблизиться к цветку. Глаза бегали туда-сюда, стараясь не пропустить ни один атакующий стебель, мышцы налились металлом, поднимая и опуская тяжелый меч с невероятной скоростью. Воин, ненароком, вспомнил те времена, когда Солнце еще светило. Сейчас он как никогда чувствовал его тепло.

– Оно совсем рядом! – крикнул Воин.

Ему казалось, что звезда сидит внутри цветка и светит ярче с каждым взмахом меча. Цветок оказался на расстоянии удара: миг, и Воин вернет миру свет.

Лезвие Стремящегося рассекло воздух высоким свистом. Меч, с громким чавканьем, врезался в корневой стебель. Воин замешкался: он был уверен, что разрубит цветок пополам. Противник улучил момент и откинул Воина оставшимися стеблями к самому выходу.

Воин затряс головой, чтобы прийти в себя. Вокруг извивались отрубленные лианы, истекая прозрачным вязким соком. Измятая пасть цветка раскрылась, не в силах держать жертву, от стебля отслаивались куски, два оставшихся щупальца нервно стучали по полу. Цветок, пополз к окну.

– Не уйдешь, чудовище! – крикнул Воин, и бросился на врага.

Растение, в отчаянии, выплюнуло жертву, но Воин не обратил на это внимания. Он видел только одну цель, как и Стремящийся, серебряным блеском летящий в противника. Цветок попытался укунить Воина, но Стремящийся проткнул зеленые челюсти и разорвал нижнюю. Монстр одернул голову. Воин вгрызся мечом в стебель, а цветок атаковал клыками. Клыки с невыносимым скрежетом проскальзывали по броне, но пробить крепкий панцирь не могли.

Чавкающие удары сопровождались брызгами прозрачного сока и женским визгом. Воин с неистовством дровосека разрубал растение. Цветок оставил тщетные попытки сопротивляться и из последних сил пополз к окну. Голова и кусок стебля висели на тонкой нитке, вздрагивая от каждого удара. Молниеносный взмах, и челюсти безжизненно упали в гору изрубленных лиан.

Воин издал пронзительный вопль и поднял меч к потолку. Отдав салют победе, он заметил на полу трепещущую девушку в изорванной сорочке. Девушка была покрыта противной слизью с ног до головы, из-за треугольников вязкой пленки выглядывали огромные зеленые

глаза. Длинные пшеничные волосы слиплись прядями, а бледные губы дрожали от испуга и непонимания. Хрупкая рука указывала на Воина тонкой веточкой.

Этот перепуганный комок слизи никак не походил на могущественного колдуна, укравшего Солнце. Но Воин сталкивался с хитростью магов. Он резко опустил лезвие к Волшебнице.

– Ведьма! – зарычал Воин.

– В-вы, вы убили Тимора, – шептала девушка. – Вы убили Тимора...

Девушка, всхлипывая, поползла к цветку. Воин нахмурился и вновь крикнул:

– Отдай Солнце, колдунья! Лес страдает!

Волшебница обняла изрубленные листья и стебли.

– Зачем... – шептала она, поглаживая остатки питомца. – Зачем...

– Признавайся, колдунья, – неуверенно произнес Воин.

Колдунья признаваться не собиралась. Воин в растерянности опустил меч. Он не раз спасал девушек от чудовищ, но раньше спасенные всегда обнимали его, а не поверженного врага. «Это точно какие-то хитрости», – подумал Воин. «Нужно стоять на своем.»

– Вставай и сражайся! – крикнул он.

Волшебница до сих пор не могла поверить, что любимый Тимор, принц цветов, особенный и необычный, набросился на нее. Она убаюкивала его искромсанные останки, пытаясь утешить невыносимую боль от сосущей пустоты в сердце.

Вы спасли меня, – прошептала Волшебница, подняв взгляд на Воина.

Воин опешил. С одной стороны, история возвращалась в русло рациональности, с другой становилась еще необычной. «Она хочет запутать меня!», – думал Воин, – «а потом напасть!».

– В какие игры ты со мной играешь, колдунья?! – зарычал он. – Я еще полон сил и готов драться!

– Вы живой и настоящий! – Волшебница снова заплакала. – Я думала я никогда больше не увижу ничего живого! Я думала... я думала я одна в этом лесу. Я думала все пропалиииии!

Она уперлась лицом в колени и закрылась руками. Воин недоуменно почесал затылок. «Может если я подыграю, она подумает, что я расслабился и нападет?» – предположил он. Он присел и нежно обнял Волшебницу за плечи. Волшебница вздрогнула от холода доспехов, и тут же повисла у Воина на плечах, сотрясаясь от рыданий.

– Тише, колдунья, – прошептал он. – Ты чего?

Воин неуверенно коснулся хрупкой спины Волшебницы. Пыл битвы внутри угас, и твердая неколебимая уверенность растворилась как утренний туман. Солнца Воин так и не нашел, а значит по-прежнему оставался потерянным в темном бесконечном лесу.

– А у вас с ним много общего, да? – прохрипел он.

– С кем? – Волшебница шмыгнула носом.

Воин кивнул на разбросанные стебли.

– Почему?

– Вы оба обвиваетесь вокруг шеи и запутываете до иступления.

– Ой! – девушка одернула руки, будто ошпарилась. – Простите, я забылась.

Она принялась вытирать слизь с лица, но слизь прилипла к руке и тянулась. Волшебница зацепила тягучую пленку второй рукой, и раскрыла противную неаккуратную паутину.

– Тебе бы водой окатиться, – улыбнулся Воин.

– А вы пообещаете, что не уйдете, пока я приведу себя в порядок?

– Мне нужно искать Солнце. Кто еще это делает кроме меня?

– А вы думаете, что сможете его отыскать?

– Я верю в это.

– Подождите меня. Я приведу себя в порядок и накормлю вас грибами и мхом. Не густо, конечно, но больше вокруг ничего не растет.

Только сейчас Воин понял, что жутко голоден, ведь он даже не помнил, когда последний раз ел. В миг живот будто взорвался, голова раскололась пополам, а рот иссох и потрескался.

– Пожалуй, немного еды мне не помешает, – выдавил из себя Воин.

Он почувствовал тяжесть собственного тела. Глаза медленно закрылись, и он уже не слышал, как с грохотом упал.

* * *

Воин проснулся в теплой постели, в одной из узких комнат. Его разбудил пьяный и дурманящий аромат еды, расплывающийся от тарелки с витиеватым узором. На тарелке лежали грибы, прикрытые зеленым мхом, пахнувшие так маняще, будто Воин оказался на самом богатом королевском пиру. Он накинулся на пищу как голодный волк, проглотив все содержимое тарелки разом, затем закрыл глаза, пережевывая остатки и прислонился спиной к холодному камню стены. Воин заметил, что одет только в легкий костюм, который носил под доспехами. «Что ж, хотя бы я еще жив», – подумал он.

Он встал и огляделся. Его обступала крошечная коморка, тесно набитая мешками и коробками. Воин не заметил ни доспехов, ни Стремящегося. Он мягко приоткрыл дверь и выглянул наружу.

Взору Воина предстал коридор, по которому его тащило чудовище. На полу лежала ровная ковровая дорожка, свечи горели все до единой. «Тут же был пожар», – удивился Воин. Он посмотрел на гобелены, на которых теперь был изображен рыцарь в сияющих доспехах, с пером на шлеме и цветочными узорами на щите. На одной из картин рыцарь стоял, победно подняв меч, на другой держал на руках девушку в синем платье, на третьей та же девушка собирала луговые цветы.

«Может другой коридор?» – подумал Воин. Картины ему понравились: они напоминали старый лес, купающийся в солнечном свете, зеленый и теплый, полный голосов и жизни. В то время рыцари спасали принцесс, сражались с чудовищами, защищали королевства... Сейчас защищать было нечего. Вместе с Солнцем ушла и жизнь. Однако башня и колдунья казались маленьким солнечным зайчиком, что пробился сквозь щель меж досок в бревенчатом доме. Может здесь и спряталось Солнце?

Воин направился к знакомой двери, уже не увитой стеблями и лианами. Он поднялся по резным деревянным ступеням и вошел в просторную круглую комнату где суежилась Волшебница одетая в синюю мантию.

Волшебница размахивала палочкой и отдавала приказы поломанной мебели, которая тут же собиралась по кусочкам. Остатки стеблей сами вылетали в окно, а по-пчелиному вьющаяся щетка начищала и так уже блестящие доспехи. Воин наблюдал за Волшебницей молча, но, в очередной раз взглянув на броню, не выдержал:

– Они уже блестят сильнее чем Солнце, в лучшие времена. Еще чуть-чуть и ты сможешь использовать доспехи вместо зеркала.

– Вы уже проснулись? – Рассеянно улыбнулась Волшебница. – Тут еще столько работы! Присоединяйтесь!

Воин помешкал, но безапелляционный тон Волшебницы не оставлял пространства для отказа.

– Командуй, хозяйка! – бодро воскликнул он.

– Берите метлу и метите пол.

– Я думал волшебство придумали именно для таких вещей.

– У меня же не десять палочек! – Волшебница сурово посмотрела на Воина.

Воин почувствовал себя совсем неудобно и взял метлу. Он нехотя чесал пол, не сводя глаз с мелькающих, будто молния, пшеничных волос.

– Так э-э-э... – начал Воин. – Ты не знаешь где Солнце?

– Нет, – звонко пролетело мимо.

– Как нет?

Волшебница остановилась и обожгла гостя грозным взглядом.

– Вы метите, метите! – строго бросила она и продолжила летать по комнате.

Она дирижировала волшебной палочкой и вокруг творились чудеса. По стенам к потолку взбирались узоры; лоскуты ковра, точно гусеницы, ползали и сплетались; шкафы и тумбочки плясали, открывая ящики и дверцы для скачущих мелких вещей. Комната бурлила, будто кипящий котел.

– Я мету... – раздраженно пробурчал Воин. – Совсем никаких идей?

– Не я же его украла, в самом деле!

– Похоже, будто, ты!

Грохот и копошение разом прекратились. Волшебница развернулась на пятке и хмуро уставилась на Воина. Воин смотрел в ответ с вызовом. Дуэль в гляделки оборвала девушка:

– С чего это вы взяли?

– Я чувствую его! Чувствую жизнь здесь! Здесь есть свет и тепло, здесь я сражался и победил. Что это, если не Солнце? Как-будто его жар совсем рядом!

– Может вы чувствовали пожар, что наступал вам на пятки?

– Что?

– Простите меня, – Волшебница опустила на пол. – Кажется я совсем устала. Я ведь несколько не спала, после нашей встречи.

Воин подошел к ней и подал руку.

– Давай, я провожу тебя в спальню. Там слегка тесно, но зато уютно.

– Нет-нет, тут еще столько работы! Я не могу спать, пока здесь нет гармонии!

– У тебя был тяжелый день. Я подмету пол, пока ты отдыхаешь.

Волшебница вздохнула, взяла протянутую ладонь Воина и невесомо поднялась. Их взгляды встретились, и они замерли, держась за руки, всматриваясь в теплоту друг друга.

– Здесь нет Солнца, я слово волшебника вам даю, – прошептала девушка. – Я сделала это все, потому что оно пропало. В башне очень хорошо, хоть и без Солнца. Если оно никогда не вернется, здесь можно жить точно также, в тепле и гармонии. Если, конечно, не носить сюда цветы из леса.

Они звонко рассмеялись, расцепив на мгновение взгляды.

– Иди спать, принцесса, – нежно произнес Воин. – Проснешься и мы вместе все уберем.

– А вы останетесь со мной? – зевая спросила Волшебница.

– Если хочешь, я останусь до конца уборки.

– Тогда я заколдую вещи, чтобы они не убирались!

Они вновь засмеялись, и Волшебница, улыбнувшись, отправилась в комнату.

* * *

Воин погрузился в воспоминания. Исполинная пустота леса перевернула его прошлое, и обрывки памяти казались теперь ненастоящими в своей живости. Жизнь до леса была совсем другой. Куда бы ни пришел Воин, его встречали пиром, выпивкой, жареным кабаном или бараном, песнями и плясками. Все знали его как героя и спасителя и приход его значил избавление от многих проблем.

Воин помнил деревушку: пара ветхих избышек, да колодец посередине. В память жарким клеймом въелась беззубая, морщинистая улыбка одноглазого старика. Старик кряхтел и кашлял, в порыве радостного смеха. Лысина его так сверкала на Солнце, что, казалось, может заменить светило. Вспомнилась и его толстуха-жена, с грубым низким голосом, в запяточном фартуке, с полотенцем в руке. Как было не помочь им избавиться от страшного колдуна, что нагонял чуму на скот и уничтожал посеvy?

Воин тяжело вздохнул и грузно оперся о подоконник. Он думал, что колдун украл Солнце, чтобы запутать следы. Еще вчера Воин был уверен, что настиг злодея, но башня оказалась не той, колдун оказался хрупкой девушкой, а Солнца как не было, так и нет.

Воин вспомнил поляну, где провел целую вечность в забвении. Он пытался найти дорогу, но дороги близнецами сплетались и запутывали. Никаких следов ни колдуна, ни Солнца. Сейчас, с высоты башни, Воин наблюдал бесконечный змеиный рой извилистых одинаковых тропинок, ведущих в густую пугающую темноту. Ни ветра, ни шепота листьев, только ветви и пятна паутины между ними. Воин заблудился одним лишь взглядом.

«А может и не было никакого колдуна?» – вспыхнуло у него в голове. Воин столько скитался по лесу, что просто не мог упустить его. Крестьяне народ суеверный – одна корова заболела, уже выдумывают колдунов с проклятьями. Как-то в трактире, Воин слышал истории о далеком севере, где Солнце покидает людей на много лет, а потом много лет светит. Возможно сейчас Солнце ушло на север, и вся эта история лишь одна большая случайность. «Тогда, можно задержаться здесь и подольше» – подумал Воин. «До поры до времени.»

Он вспомнил последнее сражение, и тень улыбки тронула его губы. Вновь услышал хруст стебля, ощутил брызги едкого сока, увидел блеск Стремящегося. «Не совсем, видать, еще проржавел!» – ухмыльнулся Воин и похлопал себя по выступающим мышцам.

– Вы не ушли! – раздался счастливый и звонкий голос Волшебницы.

Воина будто окатили водой – он и не подозревал, что просидел в раздумьях так долго.

– Да... Если позволишь, девочка, я останусь здесь на время.

– Да вы что! – Волшебница засияла. – Оставайтесь, сколько захотите! Вдвоем веселее, правда? А как же ваше Солнце?

– Кажется, здесь достаточно Солнца для меня, – натянул улыбку Воин.

– Это просто замечательно! – крикнула Волшебница.

Вместе

Дни летели незаметно: по вечерам Волшебница пела Воину песни, а по утрам рассказывала про звезды, что наблюдала ночью. Воин с любопытством слушал, и в ответ рассказывал истории прошлых приключений.

Волшебница считала каждый день их совместной жизни, томительно ожидая круглого числа. Она шила Воину подарок – красивый синий плащ с цветочным узором по краям. Волшебница предвкушала праздник и поглядывала украдкой: не готовит ли Воин какой-нибудь сюрприз?

С тех пор, как девушка вернулась к повседневным делам, Воин остался наедине с собой. Сначала он бездельно слонялся в поисках хоть какого-нибудь занятия, но, не найдя ничего, вернулся в свою кладовку. Он лежал и смотрел в потолок, ни о чем не думая, пока в голову не прокрался едкий противный голос. Голос утверждал, что Воин боится и прячется. Незванный гость положил эту мысль на виду и трусливо сбежал, не оставив и следа. «Чушь,» – первым делом подумал Воин, но семя сомнения было посажено.

Воин поднялся к Волшебнице. Девушка мягко улыбнулась, когда он пересекал комнату. Он сел на стул и уставился в окно на бесконечные переплетения деревьев. Лес ужасал необъятностью и бескрайностью.

– Все в порядке? – поинтересовалась Волшебница.

– Конечно, – улыбнулся Воин.

С тех пор он стал приходить сюда каждый день. Он выглядел нездоровым: лицо прорезалось морщинами, глаза подернулись пеленой, губы обесцветились и утончились. Воин не слушал песни вечерами и ел с неохотой.

Тревога, пушистой кошкой, выпустила когти в сердце Волшебницы – Воин напоминал ей больного Тимора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.